

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Мёртвая зона

В минувшее воскресенье в Москве в киноцентре «Октябрь» открылся 9-й Московский еврейский кинофестиваль

14:00, 27 ноября 2024,

Александр Минкин*

«Новая газета»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+ НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ МИНКИНЫМ АЛЕКСАНДРОМ
ВИКТОРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА МИНКИНА АЛЕКСАНДРА
ВИКТОРОВИЧА.

Кадр из фильма «Зона интересов»

В русском языке слово «зона» обозначает лагерь (не пионерский). Хотя существуют и другие варианты: зоны есть в головном мозге, есть климатические (тропики, тундра). Есть мёртвая зона (чаще говорят «слепая»); шофёр её не видит. Она есть, она совсем рядом, а вот не видна.

В минувшее воскресенье в Москве в киноцентре «Октябрь» открылся 9-й Московский еврейский кинофестиваль. Фильм открытия — «Зона интересов»; название, как видите, никакое, спокойное, серое.

На экране настоящая идиллия: безмятежный сельский пейзаж — травка, лужок, бережок, речка. На травке семья — папа, мама и детишки. Но поскольку заранее знаешь, что это фильм про Холокост, про Освенцим, то понимаешь: сейчас эта пастораль закончится, и мы увидим ад: истощённые умирающие зэки, издевательства, надругательства, газовые камеры, трупы...

Но ничего этого нет. Ни в следующую минуту, ни через 10 минут, ни через час. За все 105 минут — никакого концлагерного ужаса на экране не появится.

Кадр из фильма «Зона интересов»

Хотя как сказать.

Сперва даже не понимаешь, что происходит. Компьютерный сбой? На экране — на газоне в саду детки с мамой и собачкой, а

внизу экрана титры — как будто из другого кино, по ошибке. Очень разборчиво — яркие, довольно крупные буквы: «Марш! Шнеллер! Бегом! Встать! Пощадите! Утопить его!» — но не может же мама так говорить с детьми.

Наконец, различаешь какие-то еле-еле слышные крики. Ясно: мозг не воспринимал яркие титры как перевод на русский язык тех почти не слышных неразборчивых звуков невидимых людей. Наконец, дошло: это злобные крики охраны, вопли истязуемых, выстрел... Мы туда не попадём, то есть не увидим.

Всё происходит в прекрасном очень чистом, светлом мирном доме, в прекрасном саду — всё цветёт, в огороде кольраби, томаты, рядом маленький бассейн.

Но за стеной сада... Вдруг осознаёшь, что сад этот огорожен не простым забором, а бетонной стеной, а поверх неё несколько рядов колючей проволоки. И вот оттуда, из-за стены, непрерывно, хотя и тихо-тихо (потому что издалека) крики ужаса, ярости, мольбы.

А ещё за стеной странное небо, постоянно жёлтые облака. Нет, это жёлтый дым. Если оглянуться (если камера повернётся в другую сторону) — синее небо, солнце.

За забором постоянный дым. Наверное, через стену переползает специфический запах этого дыма. Но и взрослые, и дети принюхались, не замечают.

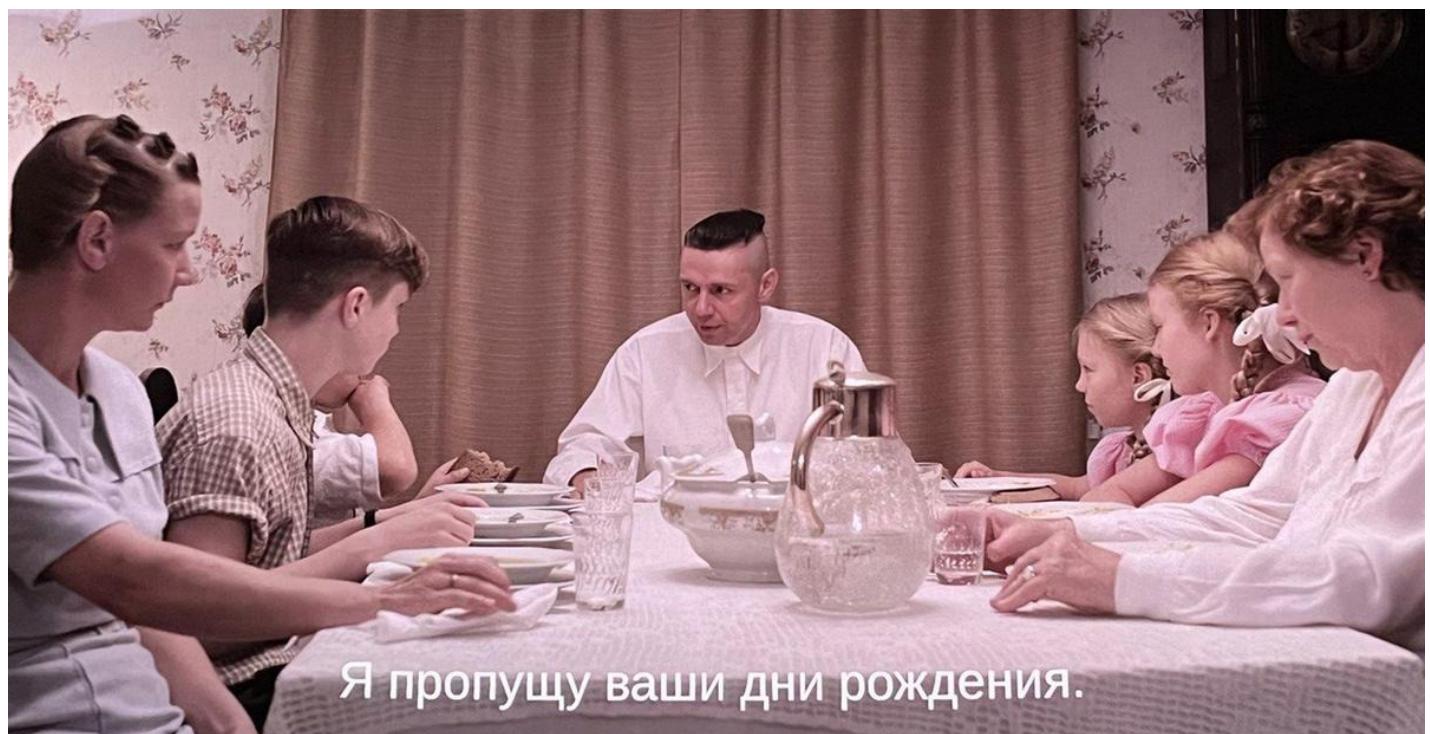
Человек может принюхаться к запаху морга, сортира, к политической атмосфере — принюхаться, значит, перестать замечать.

Милый папа уходит на службу, приходит со службы, играет с

детьми, ужинает с детьми, читает сказку на ночь, все его уважают, он идёт на повышение (хотя совсем этого не хотел), ему предстоит резко увеличить темпы утилизации ради реализации окончательного решения.

Из телефонных разговоров папы понятно, что сейчас хлынут эшелоны из Венгрии — чёрт бы побрал этих юден, как расплодились, надо срочно модернизировать печи.

Деток пятеро: год, три, пять, семь, девять. Малышка иногда плачет, а четверо старших удивительно благонравны, безупречно воспитаны. Мамочка, папочка, собачка, служанки, фрукты, соки, пироги.

Я пропущу ваши дни рождения.

Кадр из фильма «Зона интересов»

...Они всю жизнь будут вспоминать своё счастливое детство — чистота, ласка, довольство, вкусно, сытно, весело, качели, речка, рыбалка. Их учат говорить: «Спасибо фюреру за наше счастливое детство!» — да-да.

Золотые коронки, пачки долларов, франков, марок, форинтов — папочка в кабинете раскладывает купюры по кучкам,

сортирует. Золотые коронки пригодились, обувь не пригодилась. Поэтому она «уцелела» — пригодилась для музея (в финале фильма покажут эту «экспозицию»: бесконечную свалку обуви, в том числе детской, будете в Освенциме — зайдите поглядеть).

А коронки переплавились в серёжки, колечки, кулончики.

О, если бы все слёзы, кровь и пот, пролитые за всё, что здесь хранится...

*Мёртвый ягненок. Мёртвые хаты.
Между развалин — наши солдаты.
В лагере пусто. Печи остывли.
Думать не надо. Плакать нельзя.*

*Чёрные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.*

*В лагере смерти печи остывли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку.
Пой, балалайка, плакать нельзя.*

Стихотворение называется «Военная песня», автор Семён (Зельман Израилевич) Липкин (орден Отечественной войны II степени).

Кадр из фильма «Зона интересов»

* * *

О, если бы приплыла Золотая рыбка и спросила меня: «Чего тебе надоально, старче?»

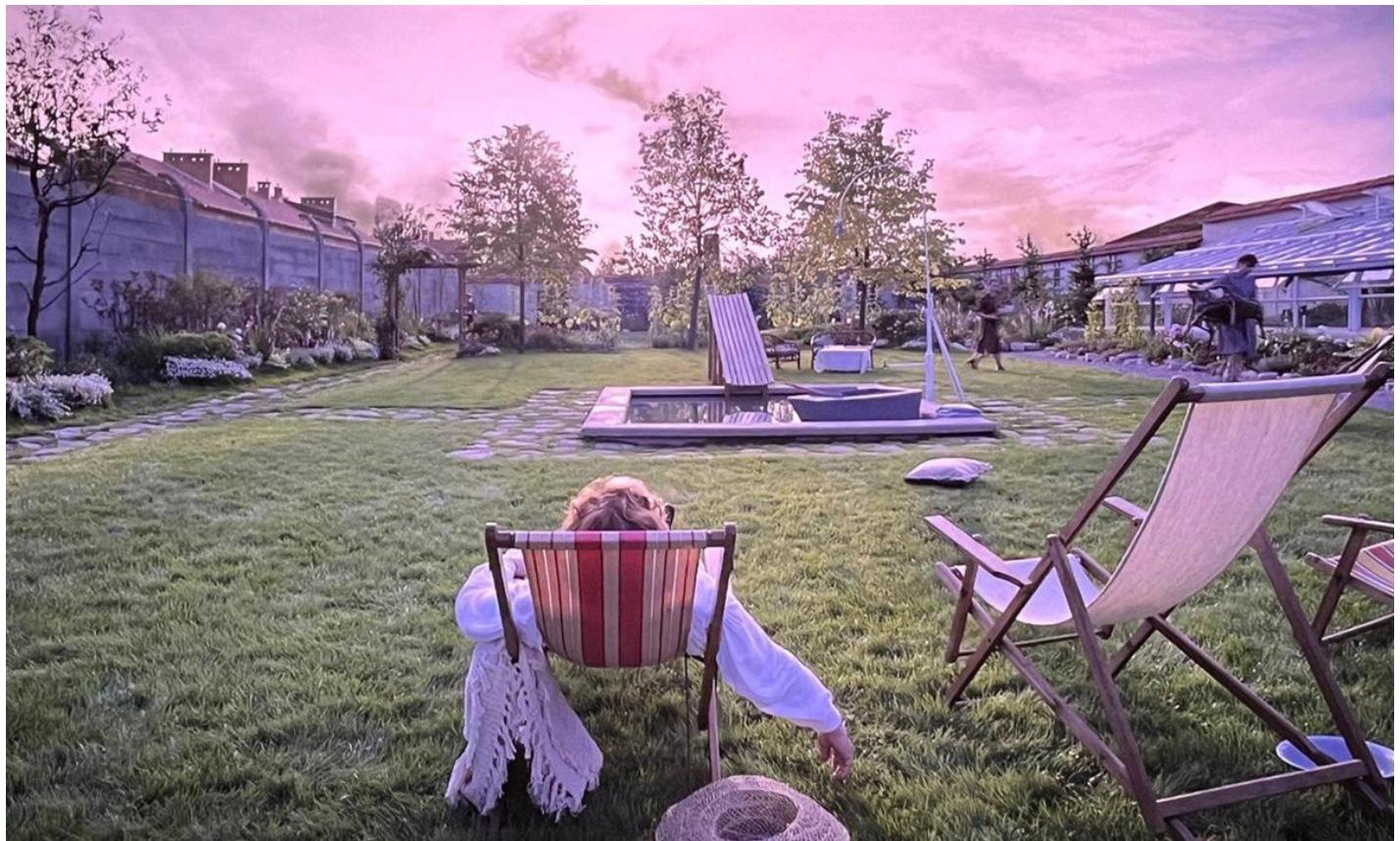
— Знаешь что, Золотая рыбка, сделай так, чтоб на всей Земле в полночь, в новогоднюю ночь, все эти брошки и браслеты, кольца и серьги раскалились и расплавились прямо в ушах, на пальцах, на груди у тех, кто их сейчас носит.

Конечно, надо бы предупредить пожарных в Берлине, Мюнхене, Варшаве, Киеве, Будапеште, в Буэнос-Айресе и других городах Аргентины, но — нельзя. Ведь необходима внезапность.

...Но тут опомнишься и скажешь: «Нет, Золотая рыбка, я передумал». Ведь те, кто сейчас носит золотые украшения из

еврейских зубов, — не виноваты. Они не только сами не выдирали у мертвцев золотые коронки, они даже понятия не имеют, какую историю носят на себе. И даже не чуют, чем пахнет.

Мёртвая зона.

Кадр из фильма «Зона интересов»

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».